

МОГ ли Николай Михайлович Кудрин не стать краеведом? Если там, где он живет, куда ни глянь — старина глубокая...

Почетный гражданин Великому Устюга, автор десятков научных трудов, книг, брошюр, буклетов, он и в свои восемьдесят по-июношески пытливым, удивляться не разучился и, похоже, не собирается, «Пока пишется — пишу...» — сказал, А можно перефразировать: «Пока ищется — пишу»...

— Сам-то я устюжанин в душе, а по происхождению — чистокровный шипицынец, — заявил он не без гордости.

Шипицынец... Вот те на! Снова «наши люди» в вологодские затесались! Непрошибаемая логика у этих устюжан: раз у них в городе бывал, а тем более жил, значит, не отпорешься; свой, «земеля». Видел как-то и я в тамошнем музее китель Н. Г. Кузнецова с сопроводительной текстовкой: мундир-де адмирала-земляка. Ну что тут сказать!

Стал своим и Кудрин. Давно еще, в тридцатые годы. Сначала тут речной техникум закончил, потом два года корабелил в Лименде. Да командировало в Устюг начальство. Ненадолго, объяснили, туда и обратно. «Поехал на полгода, — улыбается, — остался на всю жизнь». Здесь и любовь к истории прорезалась. Хотя нет, раньше. Учительница, преподававшая географию, много и интересно рассказывала ребятам о крае родном, о Севере.

Были речниковские дела (45 лет водником, весь бассейн исследил), были другие.

Путеводитель выпустил. Вроде бы достижение. Да профессор Николай Петрович Борисов, племянник знаменитого красноборского художника, слегка пожурил автора. Это, мол, для тебя не вершина. На большее, брат, способен. Книгу пиши, книгу. Так, с его легкой руки и началось настоящее писательство. Помнит Николай Михайлович шуточный диалог, завязавшийся в их первую встречу.

— Ты Марка Твена читал? — как учитель у школяра спросил Борисов.

— Да, в детстве.

— А откуда берутся часовщики, помнишь?

— Из паровозных механиков. — Верно. И с тобой то же произошло...

Случай, действительно, редкий. Непрофессионал Кудрин обставлял в своих изысках именитых историков, брался за разработку таких тем, которые им и не снились. И это между основной работой. Когда и время находил?

— А куда его давать? — воп-

росом на вопрос ответил. — В карты-шахматы не играю, не выпиваю и не курю.

Сколько дней (если не лет) просидел он в архиве! Надо — отправился в Москву и Ленинград. Горы бумаг перелопатил ради одного какого-то малюсенького фактика.

— Не терплю болтовни, не люблю неточностей, — рассказывает. — И все, мной напи-

санное (а это, между прочим, 6 книг, 10 брошюр, 6 буклетов, сценарии 2 документальных фильмов, 170 статей. — В. Н.) основано исключительно на документах. Святое правило для всякого исследователя.

Одна из книг Николая Михайловича несет массу разносторонних сведений о граде на Сухоне, другая проливает свет на культурную жизнь на заре Советской власти и позже, третья («Жаль, в большом сокращении. Прибавок нет, убавки есть») повествует о русской Америке, об устюжанах-первопроходцах... «Я фиксирую на бумаге то, что знаю», — подчеркивает их автор. Но главный свой труд, считает, еще не написал.

Мыслит рассказать в нем Николай Михайлович и о своей малой родине, — о шипицынской стороне.

— Это же обособленное поселение было, старообрядцы, изгнанные Никоном из Москвы. Самые грамотные из всего Устюжского уезда люди. А умельцы какие! Одна из мастериц с 18 до 47 лет жила в монастыре. Занималась золотым шитьем и шитьем бисером. Тончайшая работа — 0,8 миллиметра в цвете, в Эрмитаже ее выставляли, вот как! А знаете, кто это? Тетка моя, отцова сестра — Кудрина Мария Григорьевна. А сам батюшка? Коренной шипицынец, в 11 лет ушедший из дома в Устюг, потом в Москву. Судьба свела его с прославленным атлетом Иваном Васильевичем Лебедевым. Да и о Михаиле Кудрине, русском циркаче-богатыре, молва шла добрая по всей России... Одна из шипицынских уроженок — Фаина Васильевна Низовцева — была единственным капитаном земснаряда на Печоре. Тоже судьба, достойная увековечения. А школа? Первая из земских. 1857 год!

«Поклон земле моих предков» — называется рукопись. Знакомые названия наеелен-

ных пунктов, которые в ней встретятся, — Приводино, Туровец (по приказу Иоанна Грозного построен), Телегово (родина мореходов Гусельниковых, Стадухиных, Ивана Старостина), Кузнецове. Уртомаж, Вондокурье... Ностальгия рукой словотворца движет, можно сказать о местах, откуда корни тянутся...

— В Котласе я чувствую себя совершенно домом, — признается Кудрин. — Нужно непременно в Шипицыне побывать, с на-

кому из тех, о ком он писал, не отдаст предпочтения. Грех приставлять историю к «веяниям времени». Кем были герои его статей и книжек — коммунистами или беспартийными, эсерами или приверженцами других партий и политических течений — неважно. Главное, по понятиям краеведа, что они сделали плохого или хорошего... Пустячное дело — навешивать на одних ярлык, а других возносить до небес. Настоящая, истинная история — наука разборчивая... Всему свое время.

Но оценят ли, как подобает, в Устюге Великому самому Николаю Михайловичу? Почетный гражданин города, а живет в

ЛЕТОПИСЕЦ

родом тамошним встретиться, уточнить кое-что. Мне обязательно нужно закончить эту работу. Успеть. Годы...

Он не торопится жить. Он боится опоздать. «Я своеобразный человек», — заметил Николай Михайлович. В чем это заключается? Да в том, что ни-

домз-развалюхе с печным отоплением. 130 лет стенам! Скажут ли о нем слово доброе при жизни, поймут ли, какой человек живет рядом?

...О человеке нужно говорить, пока он слышит...

В. НОГОВИЦЫН.